

Юрий
ПОЛЯКОВ

**ЗАСЕКРЕЧЕННОЕ
БУДУЩЕЕ**

Юрий Поляков

Засекреченное будущее

«Книжный мир»

2021

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос)

Поляков Ю. М.

Засекреченное будущее / Ю. М. Поляков — «Книжный мир»,
2021

ISBN 978-5-6045752-1-5

Новой книге Юрия Полякова «Засекреченное будущее» можно дать подзаголовок «хроника ковидного года»: почти все материалы сборника написаны в этот сложный и насыщенный период, когда обострились многие, давно созревшие противоречия и обозначились новые конфликты. Один из самых ярких русских публицистов, автор дает ясные и глубокие оценки всему тому, что происходит в нашей политике, общественной жизни, информационной сфере, культуре. И прогноз его аргументировано неутешителен: власть, балансируя между разнонаправленными силами, не осознает нарастающего отчуждения от общества, взыскующего, прежде всего справедливого жизнеустройства и четкого плана на будущее. Ахиллесовой пятой власти по-прежнему остается отсутствие внятного футурологического проекта, когда никто не может объяснить, куда движется страна. Обо всем это сказано, как всегда, точно, образно, афористично, с разящим поляковским сарказмом. Сюрпризом для читателей станет раздел «Актуальные рифмы», куда автором включены новые стихи политической направленности, сочиненные в год коронавируса. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-6045752-1-5

© Поляков Ю. М., 2021

© Книжный мир, 2021

Содержание

«Умное чтение – это национальное достояние!»	7
1. Заметки на полях сражений	12
Сапог победителя	12
Жертва поспешного обновления?	13
«Бушующая наглость»	15
Беззаботный пессимизм	21
2. Писатель у диктофона	23
Роскошь шуршащих полос	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Юрий Михайлович Поляков
Засекреченное будущее
Сборник

* * *

© Поляков Ю. М., 2021

© Книжный мир, 2021

«Умное чтение – это национальное достояние!»

Зачем существует литература? Каково предназначение Мастера? И кого можно назвать мастером, а кого вежливый человек наградит лишь многозначительным молчанием? Почему российская культура все тридцать постсоветских лет подвергается погрому? Как создавалась и работает система либеральной диктатуры в культурной жизни нашей страны? На эту тему беседуют писатель Юрий Полякова и главный редактор издательства «Книжный мир» Дмитрий Лобанов. Поводом к разговору послужил выход в этом издательстве книги Юрия Полякова «Зачем вы, мастера культуры? О русской литературе и искусстве».

Д. Лобанов. Юрий Михайлович, мы сейчас пытаемся выходить из пандемии. Как Вы думаете, наши люди, наши сограждане, этот период много читали книг?

Ю. Поляков. Думаю, тот, кто вообще много читает, тот в изоляции прочитал еще больше. Впрочем, некоторые мои знакомые радостно со мной делились, мол, наконец-то руки дошли, до академического Достоевского или Писемского... Ну, а кто мало читает, надеюсь, тоже приобщился... Хотя, конечно, соблазнов много. Интернет ведь тоже чтение... Другое дело – уровень этого чтения. Но все-таки в карантине шансов снять с полки книгу было больше, чем в обычной суете, беготне. Не исключаю, что пандемия и поспособствовала возвращению интереса к книге...

Д. Лобанов. Всё-таки, по наблюдениям издателя, снижается интерес к чтению именно сложных, больших текстов. С чем Вы это связываете? Я помню, как в позднем Советском Союзе люди бились в очередях за книги, сдавали за талоны макулатуру, записывались в очереди, и хорошая библиотека считалась признаком достатка, интеллигентности семьи.

Ю. Поляков. Это так, хотя бывало по-разному. Помню, попал я в гости, будучи еще студентом-филологом, в один дом обеспеченных по советским понятиям людей, не чуждых культуре. Пока накрывали на стол, я, конечно, с восхищением изучал библиотеку и обнаружил, что большинство собраний сочинений никогда не раскрывались: странички склеены. Только когда я взялся за «Библиотеку мировой фантастики», пошли прочитанные тома. При советской власти тоже читали по-разному, но дело в том, что тогда людям давалось образование университетское. Конечно, не все заканчивали университеты, я вот выпускник пединститута, мне умные люди объяснили, что в МГУ с моей рабоче-крестьянской анкетой лучше не соваться, все равно отдадут предпочтение тем, кто потом, получив диплом МГУ, уедет на историческую родину. Речь об университетском принципе советской системы образования, дающего систематизированное знание основ наук. Сталин после революционных экспериментов с народным просвещением, вроде педологии, вернулся к опыту дореволюционной гимназии, исключив чрезмерное увлечение мертвыми языками, но сохранив системный подход. А он невозможен без навыков вдумчивого чтения больших сложных текстов. Именно поэтому при советской власти невозможно было достать серьезную научную, философскую, к примеру, литературу, она пользовалась большим спросом.

Никогда не забуду, как нашел в каком-то сельпо «Философию общего дела» Федорова, а в Москве её можно было купить только у книжных барыг на Кузнецком мосту, переплатив раз в десять! Даже люди без высшего образования тянулись к серьезной литературе. Вы будете смеяться, но книги Юлиана Семенова считались легковесной литературой, особенно его бесконечные продолжения про Штирлица. Над ними просто уже смеялись. А сейчас читаешь Семенова и отдаешь должное: человек хотя бы понимал, что пишет... Помню и такие сетования, мол, хороший писатель Константин Симонов, но последний том «Живых и мертвых» он явно

надиктовывал. А это сразу видно по упрощенной структуре фраз. И такие разговоры я слышал отнюдь не в филологической среде...

Образование, которое у нас внедрялось в 1990-е «асмоловыми» (был такой заместитель министра образования), а сегодня навязывается усилиями «грефов», по своей сути фрагментарно, мозаично, предполагает усваивание упрощенных, коротких текстов. Учебники пишут именно по этому принципу. Конечно, для человека, получившего такое с позволения сказать образование, Достоевский – мука мученическая. Под этот запрос на необременительное чтение подстраивается и современная литература...

Д. Лобанов. *В отечественной истории «поэт был больше, чем поэт», а писатель – «властителем дум». Как Вы думаете, с чем это связано, почему это у нас в Отечестве так?*

Ю. Поляков. Во-первых, это связано с тем, что русская литература довольно долго оставалась в лоне церкви, но даже выйдя из него в конце XVII века, осталась учительной, сохранила обостренный интерес к нравственно-религиозной проблематике. Во-вторых, наша литература всегда отличалась очень высоким художественным уровнем, увлекая и покаяя читателей. У нас, я считаю, одна из самых серьезных литератур в мире, если не самая серьезная. Но есть и третья причина, она связана с нашей политической историей. Дело в том, что мы до начала XX века развивались как монархия с довольно серьезными ограничениями свободы слова, хотя не такими тотальными, как сейчас пытаются представить. Например, Булгарин был скорее не доносчик, а составитель аналитических записок в верха, но содержание, направленность этих записок кое-кому выходило боком. Достаточно почитать секретные донесения Булгарина, они теперь переизданы. Там есть очень интересные и глубокие наблюдения. Но это к слову... А так как не было легальной оппозиции царю, то не существовало оппозиционной трону легальной прессы, за исключением потаенной, за которую сажали, и эмигрантской. Но и тут все не так просто: просвещенное общество, например, чутко следившее за публикациями «Колокола», отвернулось от него, едва Герцен поддержал польских мятежников, отличавшихся свирепой жестокостью по отношению к православным. Оппозиционная пресса появилась лишь после революции 1905 года, а до этого ее функции выполняла изящная словесность. В ней искали ответы на проклятые политические вопросы.

Во многом эта традиция продолжилась и при Советской власти. По мере того, как большевики расправлялись со своими врагами, оппонентами, попутчиками и союзниками (бескровно была поглощена лишь Еврейская рабочая партия), они закрывали и их печатные издания. Например, эсеровское «Знамя труда», где Блок печатал свои знаменитые поздние поэмы. И поэтому литература, несущая в себе комплекс не только художественно-нравственных, но и общественно-политических идей, стала отчасти выполнять роль оппозиции, за что многие писатели сурово поплатились. Романы и повести читали в библиотеках и в Кремле, читали не только как беллетристику, но и как тексты, содержащие критику общества и власти. Кстати, не за всякую критику карали, если это была «правильная», «нужная» критика, могли и поощрить. Например, Шолохов в «Тихом Доне» очень своевременно упрекнул большевиков за рассказывание, ведь этот кошмар был делом рук Троцкого, его как раз выдавливали из власти, хотя до ледоруба в черепе было еще далеко.

Думаю, этот опыт русской классической и советской литературы сегодня тоже востребован, ведь мы, в конечном счете, после Перестройки и 90-х всё равно пришли к жесткой вертикали власти. Причем, не по чьему-то злому умыслу, по логике Истории. Просто всё поняли, что цена плюрализма – распад страны и кошмар беспредела. Нет уж, давайте мы вернемся к старой доброй вертикали... Когда я входил в литературу, ее восприятие, прочтение с точки зрения политики было очевидно. Именно так читали романы Белова, Астафьева, Бондарева, Трифонова... Искли в них прежде всего свежие общественно-политические сигналы, а лишь

потом оценивая их художественное качество. Вот почему такой громкий успех имели «Дети Арбата» Рыбакова или «Тучка» Приставкина – вещи, написанные довольно слабо.

Кроме того, литература выполняла еще одну своеобразную функцию – она легализовала табуированные темы. Успех моих первых вещей таких, как «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Апофегей», связан именно с этим. Впрочем, если бы только с этим, то сегодня их бы забыли, как большинство «перестроечных бестселлеров», а их, тем не менее, переиздают и читают.

Почему сейчас нет такого ажиотажного спроса на литературу? По той же самой причине: несмотря на жесткую вертикаль, оппозиционные партии и пресса у нас есть. Есть свобода слова, ограниченная лишь чувством самосохранения. Да, оппозиция у нас не радикальная.

А зачем нам радикалы? Чтобы в царя-батюшку бомбы метать? Спасибо, не надо... Да, у нас есть, конечно, табуированные темы. Но по сравнению с тем, что было при царе-батюшке и при советской власти, их ничтожно мало. И всё равно: если этого нет в телевизоре у Соловьева, то это есть в Интернете. Спрос на литературу, как «восполнительницу» табуированных тем ушел. Теперь она может заинтересовать остротой, занимательностью, художественностью слова, неожиданным взглядом на проблему, которого не могут предложить, скажем, журналисты или политологи. И, понятно, прежних тиражей нет...

Я разбирал свою библиотеку и наткнулся на первое издание моей повести «ЧП районного масштаба» в 1986 году в «Московском рабочем», а это было, замечу, не самое крупное издательство в СССР, так – среднее. Знаете, какой тираж? 100 тысяч первый завод, понимаете! А другая книжка, «Апофегей», которую выпустил одно из первых акционерных издательство в 1990 году. Первый завод – 250 тысяч! Можете себе представить? Конечно, сейчас это практически невозможно. Тем не менее, я думаю, в нашем обществе литература традиционно играет гораздо большую роль, чем в тех же Соединенных Штатах...

Д. Лобанов. *В имперской России был спор между западниками и славянофилами, в советской – были почвенники и прогрессисты... Сейчас что-то подобное наблюдается в нашей литературе?*

Ю. Поляков. Да, безусловно. Несколько лет назад я написал статью «Кустарь с монитором» – о состоянии нашей современной литературы, о судьбе писателей. В этой статье есть глава о «двухобщинной литературе». Дело в том, что в нашей словесности сосуществуют, почти не соприкасаясь, подобно разным конфессиям, как бы две общины. Одна из них – это продолжатели почвеннического направления с традиционной русской и имперской проблематикой. Эта «община» продолжает лучшие традиции русской и советской литературы, в ней очевидна «самая смертная связь», как выразился Николай Рубцов, с судьбой своей страны, своего народа, острое чувство ответственности за будущее. Эти авторы стремятся понять и объяснить читателю, в чём наша сегодняшняя беда, болезнь, угроза, которая опасна для самого существования нашей цивилизации.

Да, для самого существования... Если, допустим, лет сорок назад алармистам-почвенникам (Абрамову, Чивилихину, Солоухину, Кожину, Распутину, Белову) могли возразить, мол, что вы всё ноете? Что с вашей «снеговой уродиной» Россией может случиться, такая великая и огромная? У СССР двадцать воздушных и шесть танковых армий, четыре группы войск, семь военных округов! Куда «эта страна» денется? Делась же!? Сузилась. 25 миллионов русских оказались за границей, на положении людей второго сорта. В Прибалтике, например. Мы самый большой разделенный народ в мире! Этими проблемами в Кремле кто-то занимается? По-моему, никто... И кстати, сколько было разговоров о том, чтобы включить тему разделенного русского народа в новую редакцию Конституцию, обязав Государство Российское вернуть желающих, а это миллионы, на историческую родину. Между прочим, таким образом можно

было бы восполнить недостаток рабочих рук, не заполюняя наши города и веси мигрантами, чуждыми нам в культурно-религиозном и этническом плане. Нет! Не захотели...

Теперь-то мы понимаем, что это было не нытье, а предупреждение, увы, не понятое настоящим. Так вот, первая община нашей словесности – это продолжение почвеннической ветви. И она существует у власти на положении падчерицы. Ее старательно замалчивают на государственном информационном уровне. Достаточно сравнить, как чествуют в юбилеи и хоронят традиционалистов и либералов, кому ставят памятники... Это очень показательно. Почвенники, как правило, не попадают ни в какие короткие премиальные списки, да и в длинные тоже... Кстати, слово «почвенник» часто используется как синоним слова «русский». Это направление старательно и умело маргинализируется. Помню, как я, еще будучи главным редактором ЛГ, спросил одного из руководителей Роспечати: «Почему у Вас такой странный выбор участников международных книжных ярмарок?» Он мне ответил так: «Пока я тут работаю, ни одного почвенника в делегации не будет!». А это ведь слова крупного государственного чиновника, следовательно, точка зрения самого государства. В противном случае его давно бы выгнали со службы за такие слова... Вторую литературную общину я называю «интертекстуалами». Это сравнительно небольшая группа. Если сложить все «лонг-листы» наших раскрытых премий, то мы и получим ее списочный состав. Ну, может быть, надо добавить еще десяток городских сумасшедших из Интернета. Группа, как видим, небольшая, но очень влиятельная, потому что она контролирует все литературное пространство через либеральные средства информации, которые государство в лице Ельцина отдало, как говорится, на кормление нашим прогрессистам еще в начале девяностых. В «Экслибрис» (приложение к «Независимой газете») один критик предложил рецензию на мой роман «Любовь в эпоху перемен», статью приняли, заверстали в номер. Но ее в подписной полосе увидел главный редактор Ремчуков, записной либерал, к слову сказать, во времена перестройки стажировавшийся в Пенсильванском университете. Он снял рецензию со словами: «Полякова у нас не будет ни в каком виде!»

При основателе «Независимой» Виталии Третьякове такое было невозможно.

Когда я редактировал ЛГ, мне тоже попадались материалы, с которыми я не был согласен, например, с оценками того или иного писателя. Но я никогда их не снимал из номера, а заказывал еще одно – альтернативное мнение. У «интертекстуалов» жесткая, почти тоталитарная организация. Не зря я в свое время, хлопнув дверью, ушел из академиков «Большой книги», назвав ее «лохотроном». Там раздают коврижки только своим, идейно близким авторам. Чужие там не ходят!

Впрочем, «интертекстуальная» община в российской словесности – явление довольно сложное, и объяснить ее специфику исключительно этнической «сплоткой» нельзя, хотя эта «сплотка» прослеживается, как, впрочем, и у почвенников. Однако все гораздо сложнее. Борьба идей тоньше, чем этническое противостояние. В чем особенность «интертекстуалов»? Они действительно очень любят русский язык, они любят русскую литературу. Они Пушкину готовы простить стихотворение «Клеветникам России» за то, что он был гением русского слова. Но они не связывают русский язык с судьбой нашего народа и русской государственности. Слова и люди отдельно. Понимаете, наш великий и могучий для них как латынь. Ну, пал Рим – и хрен с ним! Латынь-то осталась! Еще можно тысячу лет на ней говорить, писать, творить... А еще есть наследие замечательных римских писателей: Гораций, Овидий, Вергилий, его можно толковать, цитировать...

У «интертекстуалов», даже талантливых, нет «смертной связи» с русским народом, русской историей, русским государством, русской футурологией... Они напоминают мне пассажиров круизного лайнера, сидят в шезлонгах, пьют, закусывают, пишут что-то, глядят на мимо проплывающие острова, спрашивают:

– Слушай, а куда плывем-то?

– Какая разница? Мы же отдыхаем! А если корыто пойдет ко дну, нас спасут, ведь вокруг цивилизованные страны!

О том, что в трюмах вкалывают какие-то чумазные работяги, которых спасать никто не будет, их не волнует... Вот такое примерно отношение у «интертекстуалов» к нашей стране. Но именно поэтому их литература практически не востребована. Мы в свое время в «Литературной газете» печатали списки продаж книг писателей на базе информации сети Московского Дома Книги, а это было тогда почти сорок магазинов. Начались скандалы, потому что лауреаты всех этих премий не верили, что у них за год продано всего 10–15 книг. Особенно запомнилась ситуация с одним гордым лауреатом Нацбестселлера: за год ушли всего два экземпляра. Хорош бестселлер! Из-за скандалов мы были вынуждены прекратить публикацию этих рейтингов. Нет, мы не испугались, испугались директора магазинов – им откровенно угрожали. Повторю: сочинения так называемых интертекстуалов, хотя среди них есть и способные люди, не вызывают широкого интереса, если только, конечно, их искусственно не раскручивают, как это было с Гузелью Яхиной, с ее беспомощным текстом про Зулейху, открывающую глаза. А раскручивали, потому что текст в значительной степени русофобский.

Обо всех этих проблемах я пишу давно. Лет 10–12 назад в статье «Писатели и ПИПы» я ввел эту аббревиатуру – ПИП, персонифицированный издательский проект. Не надо путать писателя с ПИПом – это разные профессии. Сейчас в Интернете в спорах о современной литературе нередко, раскавычив, приводят мои соображения 10–15-летней давности. Хоть бы ссылки иногда давали, первопроходцы исхоженных мест! В свое время в «Литературной газете» мы часто обращались к теме «премиального лохотрона», нас не любили и побаивались. Особенно Роспечать. К сожалению, мой преемник в ЛГ начинающий прозаик Максим Замшев решил, что самый короткий путь к литературному успеху это славословие в адрес тех, кто организует премиальный лохотрон. Но газета, которая не хочет ни с кем ссориться, не интересна читателям. Так или иначе, но эта тема снова стала табуированной.

Именно поэтому мне пришла в голову мысль собрать вместе мои статьи разных лет, посвященные этой теме, и предложить издательству «Книжный мир», с которым плодотворно сотрудничаю уже не первый год. Кстати, в название я вынес заголовок моей нашумевшей статьи «Зачем вы, мастера культуры?», которая была опубликована в ЛГ в 2005 году. Особенно читателям понравилось название первой главки – «Молчание кремлят», где я писал об отсутствии у нас продуманной культурной политики, направленной на укрепление Державы. Нет ее и поныне...

Ключевой остается позиция, разделившая нашу литературу на две общины. Должен ли писатель ощущать ответственность за свою страну, свой народ? Должен ли идти на конфликты с властями предрежащими, если они, на взгляд писателя, совершают что-то, идущее во вред стране и народу? Я, например, в 1990-е году считал, что ельцинский курс преступен, что сейчас уже говорит даже Владимир Соловьев в эфире (а он лишнего не скажет!) я открыто высказывал тогда свою точку зрения, у меня были неприятности, мои книжки изымались из магазинов, статьи обо мне выбрасывались из энциклопедий, учебников, справочников и так далее.

Но, заметьте, это была месть за идеи, а не возмездие за нецелевой расход государственных средств, как в случае с Серебренниковым. Но сколько было шума! А вот замечательный публицист, историк, директор института Русской цивилизации Олег Платонов попал под следствие именно за свои взгляды. И тишина... Когда я в телеэфире сказал о том, что Платонова преследуют явно за политическую позицию, участники дискуссии как-то странно на меня посмотрели, а ведущий торопливо сменил... Впрочем, это тема отдельного и, поверьте, Дмитрий, небезопасного разговора. Впрочем, когда у нас честная литература, болеющая за свой народ, была делом безопасным? Никогда.

Июль, 2020 год

1. Заметки на полях сражений

Сапог победителя

Американцы задумали разъяснить россиянам «особенности истории, культуры и политики США». К этому делу Госдеп решил привлечь наших школьников, которые и должны разработать образовательные проекты и продвигать «более широкое понимание истории США». Почему школьников? Юность доверчива...

В этом проекте удивляет все, начиная с выделенной суммы – 350 тысяч долларов, примерно во столько нашему олигарху обходится хороший пикник с участием партнеров и девушек из эскорта. А тут за смешные деньги хотят, повлияв на молодое поколение, искоренить естественный антиамериканизм россиян, испытавших на себе глобальный эгоизм и жуликоватость США. Заметьте, нам собираются шире разъяснить американскую историю как раз в тот момент, когда они совершенно с ней запутались и валят памятники всем знаковым своим деятелям, начиная с Колумба. Сначала сами пусть разберутся у себя, а потом других учат. Мы же это давно прошли и еще в 1970-е пели в стройотряде под гитару:

*Колумб Америку открыл,
Страну совсем для нас чужую.
Дурак, он лучше бы открыл
На нашей улице пивную...*

Самое удивительное, что Госдеп предлагает российским школьникам постигать и пропагандировать героическую историю Штатов после того, как президент Трамп вообще забыл упомянуть нашу страну среди держав-победительниц во Второй мировой войне. Клиника! Знаете, в психиатрии есть такое понятие, как «снижение уровня этической чувствительности», а это явный признак нарастающего слабоумия. Как в анекдоте: «А когда заиграла похоронная музыка, он единственный догадался пригласить вдову на танец!»

Разумеется, реализация проекта, как и оранжевые революции, возложена на посольство США в Москве. Интересно, какое наглядное пособие пришлют оттуда нашим школьникам? Неужели, ботинок негра (афроамериканца), исцелованный потомками белых работоторговцев? Что ж, тогда пусть в каждую школу приходит посол США Джон Салливан, целует кирзовый сапог нашего воина-освободителя (возьмем из музея) и просит прощение за хамство Трампа в отношении СССР – главного победителя Гитлера. А там посмотрим, но думаю, нашим школьникам лучше пока пошире изучить собственную историю, не все помнят имена маршалов Победы.

Да, совсем забыл: в обязанности получателей американских грантов входит и «найм специалистов из США». Этакий микро-ленд-лиз. Денежки должны вернуться к папочке. Вот это классик и называл «торгашеским духом капитализма».

«Аргументы и факты», июль 2020

Жертва поспешного обновления?

В прошлом номере «Аргументов недели» была опубликована статья «Куда марширует театр Армии?» известного драматурга и критика Татьяны Москвиной, которая высказала опасение, что уход Бориса Морозова с поста главного режиссера ЦАТРА может плачевно сказаться на судьбе прославленного творческого коллектива. Сегодня эту «кадровую новость» комментирует член Общественного совета Министерства обороны, драматург Юрий Поляков, чья пьеса «Одноклассники» в блестящей постановке Б. Морозова вот уже второе десятилетие с успехом идет на сцене ЦАТРА.

Жаль, очень жаль, что Борис Морозов перестал быть главным режиссером Центрального академического театра Российской армии. Он, без сомнения, сегодня один из лучших театральных режиссеров России, и за 25 лет работы стал, не побоюсь этого слова, лицом ЦАТРА. Я сотрудничал с ним как драматург и берусь утверждать: мало кто умеет так тонко сопрячь традицию с новыми формами, так эмоционально увлечь зрителя. Но решение принято, и Борис Афанасьевич с ним был вынужден согласиться. Ничего не поделаешь – надо жить дальше.

Что же меня беспокоит? Дальнейшая судьба ЦАТРА. Увы, опыт показал: смена художественного руководства в иных театрах привела к тяжелейшим последствиям, прежде всего для зрителей и творческих коллективов. Достаточно вспомнить «Гоголь-центр», ставший предметом бесконечных унижительных судебных разбирательств. Перед глазами МХАТ им. Горького, где навязанный театру новый худрук Бояков и его замполит (заместитель по литературной части) Прилепин почти уже уничтожили уникальный репертуар, проваливают одну премьеру за другой, теряют зрителей. Произошел раскол труппы. А был ведь уникальный, нормативный реалистический театр Татьяны Дорониной... Кому он мешал? В театральном деле вопрос «преемника» так же важен, как и в большой политике. Представьте, что после Путина придет Чубайс! Во МХАТ имени Горького назначили Боякова, и театра просто не стало. Самое страшное, когда новая метла не метет по-новому, а искореняет, выкорчевывает все, что сделано предшественниками. Кстати, люди с «искоренительными» наклонностями сами ничего путного создать не способны.

Хочу верить и даже уверен, что подобная трагедия с театром Армии не случится. Насколько мне известно, ситуацию держит на контроле министр С. Шойгу. Да и нынешний директор театра И. Чурсин – руководитель опытный и мыслящий государственно. Но! Обновить театр не всегда значит улучшить его. Мы живем в эпоху обедняющей новизны, когда делать по-новому – это, как правило, сделать хуже предшественников. Зритель такое не прощает. А мы ведь еще имеем дело с необычным театром!

ЦАТРА создавался в советские времена именно как театр, нацеленный на патриотическое, в том числе – военно-патриотическое воспитание зрителя. Да, времена изменились, но вызовы-то все те же! И отрицать ныне воспитательную функцию театра – то же самое, как отрицать коронавирус: заболеешь – сразу поверишь в «ковид». В девяностые мы страшно переболели государственным антипатриотизмом, и это дорого обошлось стране, едва не лишившейся суверенитета. Да, мы поумнели, но глупые рецидивы, когда театр понимается всего лишь как развлекательная услуга, еще не редкость.

Не хочется, чтобы обновление ЦАТРА пошло по этому пути.

Разумеется, в театральном искусстве сочетать искренний патриотизм, воспитательную функцию с художественной органикой очень непросто. Б. Морозову это удавалось, но он мастер еще советской школы. К сожалению, среди современных режиссеров дар талантливого гражданственности встречается редко: так их сформировало время, когда государственная культурная политика просто отсутствовала. Да и квази-либеральные предрассудки професси-

ональной среды, мода на автофобию сделали свое дело. Но то, что для «Малой Бронной» или «Электро-театра» стало рискованным экспериментом с предсказуемым творческим конфузом в финале, для театра Армии может стать катастрофой, которая бросит тень и на военное ведомство в целом. К тому же, вовсе не случайно в названии ЦАТРА присутствует слово «центральный», ведь в системе Министерства обороны плодотворно работает целый ряд армейских и флотских театров. А от флагамена, позволю себе военное сравнение, во многом зависит судьба всего флота...

Что же делать? Как автор ЦАТРА и председатель Национальной ассоциации драматургов России (НАД), имеющий достаточный, в том числе негативный опыт, могу высказать некоторые соображения. На мой взгляд, прежде всего необходимо сохранить преемственность, сделать так, чтобы новое обогащало, а не разрушало достигнутое. И тут не нужно изобретать велосипед. Огромным потенциалом обладает такой подзабытый ныне орган, как полноценный художественный совет. Подчеркиваю: полноценный и полномочный, а не существующий на бумаге, как чаще всего нынче и случается. Такой совет в ЦАТРА, на мой взгляд, должен возглавить Борис Морозов, 25 лет отдавший армейской сцене. А войти в совет могли бы не только представители военного ведомства, ведущие актеры, режиссеры, сотрудники литературной части театра, но и авторитетные драматурги, театроведы, критики, журналисты...

Очевидно, совет должен участвовать в выборе драматургического материала, ибо плохая пьеса – не что иное, как запрограммированный провал спектакля. Некоторые премьеры последнего времени, осуществленные приглашенными режиссерами на основе плохой драматургии, подтвердили это с печальной убедительностью. Далее, решающее слово при оценке нового спектакля, как это и было когда-то, должно исходить от художественного совета, особенно в «переходный период».

И вот еще: я более десяти лет являюсь членом Общественного совета Министерства обороны РФ, и как-то не помню, чтобы членов ОС приглашали на приемку нового спектакля. Почему? Надо учиться открытости у Министерства обороны! Ведь по своему составу, чрезвычайно широкому в возрастном, тендерном и профессиональном отношении, наш Общественный совет – это готовая экспертная группа, причем подготовленная, погруженная в военнопатриотическую специфику и проблематику. Почему бы не сделать доброй традицией участие Общественного совета Министерства обороны в «сдаче» нового спектакля с последующим обсуждением? Это же всем на пользу!

В любом случае, Центральный академический театр Российской Армии – это слишком значительное явление отечественной культуры, чтобы пустить все на самотек, и спохватиться лишь тогда, когда он, подобно МХАТу им. Горького, падет жертвой поспешного обновления...

«Аргументы недели», июль 2020 г

«Бушующая наглость»

В почте «Литературной газеты», которую я редактировал 16 лет, значительное место занимали письма примерно такого содержания: «Купила книгу, получившую „Русского букара“, начала читать и не могу понять: то ли я сошла с ума, то ли автор текста явно не в себе да еще плохо владеет русским языком...» Приходилось успокаивать, мол, с Вами все в порядке, а вот жюри премии и автор, эти явно неадекватны...

За последние годы мало что изменилось, даже, по-моему, положение дел «на литературном фронте» ухудшилось. Захожу в Дом книги, надеваю маску и сразу за турникетом буквально натываюсь на стенд «Современная классика», снимаю с полки роман, увенчанный всевозможными премиями, раскрываю наугад и читаю: «...Кому-то дают по голове куском колбасы, и вот этот человек катится по наклонной плоскости и не может остановиться, и от этого качения кружится голова...» М-да... Революционера Баумана убили куском чугунной трубы... Но куском колбасы? Это как? Батоном сырокопченой – я еще могу понять. И то нелепо. Если это ирония, то она очевидна только автору, а это такой же верный признак графомании, как глухота к смысловым оттенкам. Плохого писателя выдают неточности, которых он не осознает – медведь на ухо наступил. Голова, как известно, кружится, когда человек стоит на ногах, но может и упасть. А от «качения» (то еще словечко!) «кружится» все тело, да еще как! Кстати, не нужно думать, что графоманы – это полуграмотные чудики. Сегодня иная беда – графоманы с высшим филологическим образованием. Автор пассажа про колбасу – доктор филологических наук, специалист по древнерусской литературе. Но зуд графомании одолевал и не таких корифеев науки. Почитайте стихи, к примеру, Сергея Аверинцева...

Но, может быть, мне просто не повезло? Беру другой том – роман свежего лауреата премии «Книга года», которую окормляет агентство «Роспечать» – это горе отечественной словесности. Открываю на первой странице: «...Жилось явно веселей, общественная активность поощрялась пуще прежнего, а те, кто хранил равнодушие к переменам, составляли обидно малое меньшинство...» И это проза? Допустим. Но, вообще-то, «хранить равнодушие» как-то не по-русски. Что же касается «малого меньшинства», то даже в школьном сочинении такой оборот считается стилистической ошибкой. А пятью строчками ниже у того же автора героя безрезультатно «борется с собственным курением». Каково? Для таких опусов по аналогии со «Шнобелевской» премией в пору учреждать премию «Шняга года». Как мы могли скатиться до такого уровня? И разве нет хороших книг, написанных талантливыми авторами, владеющими литературным мастерством? Есть, конечно, но их немного и до массового читателя они почти не доходят. Почему? Давайте разбираться.

Для начала вспомним 1980-е. Позднюю советскую литературу, развивавшуюся в жестких идеологических рамках и ограниченную цензурой, можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в низком профессиональном уровне. Ведущие писатели, в том числе лауреаты государственных премий и герои Социалистического Труда, являли читателям высокий уровень литературного мастерства: Юрий Бондарев, Владимир Богомолов, Юрий Трифонов, Виктор Астафьев, Михаил Алексеев, Фазиль Искандер, Андрей Битов, Владимир Солоухин, Валентин Распутин, Георгий Марков, Виктор Конецкий, Дмитрий Балашов, Василь Быков, Чингиз Айтматов, Владимир Орлов... Сейчас даже странно вспоминать, что таких мэтров, как Иван Стаднюк, Юлиан Семенов, Валентин Пикуль, Анатолий Рыбаков или Петр Проскурин, – критика, оценивая в целом высоко, упрекала в стилистических огрехах и художественных просчетах. Впрочем, это – «первачи». Но даже если мы сегодня разыщем на полке и откроем советских авторов «второго и третьего ряда», то обнаружим: их романы, повести, рассказы написаны на хорошем профессиональном уровне. Во всяком случае, колбасных черепно-мозговых травм и «малых меньшинств», борющихся с «собственным курением», вы там не найдете...

Каким образом поддерживался столь высокий профессиональный уровень? Этот вопрос, как тогда выражались, решался комплексно. Еще в конце 1920-х, обжегшись на «классовом» принципе оценки произведений и разочаровавшись в результатах «призыва ударников в литературу», советская власть, не теряя, разумеется, идеологической бдительности, сделала ставку на поиск талантов, их воспитание и профессиональную подготовку, в которой главное – преемственность опыта поколений. Отстраненные поначалу от литературного процесса «попутчики», а к ним причислялись, в частности, Алексей Толстой, Телешев, Тренев, Сергеев-Ценский, Вересаев и даже Горький, были вновь востребованы и вписаны в тогдашний идейно-эстетический и политический контекст. И не надо пугаться термина «соцреализм», он не страшней «постмодернизма». Именно «попутчики» сохранили школу и передали молодежи как эстафету требовательность к слову, установку на овладение мастерством, без чего невозможно творчество.

Тогда же в издательствах и «толстых журналах» сложился корпус опытных редакторов, первоначально нацеленных на то, чтобы доводить «до кондиции» социально значимые, но слабоватые тексты рабоче-крестьянской литературной молодежи. Впрочем, опытный редактор необходим даже начинающим гениям: так, Шолохов высоко оценивал помощь своего редактора Е. Левицкой в подготовке рукописи «Тихого Дона» к печати. Вспоминая мою литературную молодость, могу утверждать, что хорошие редакторы были не только «правщиками», но и учителями, наставниками, даже отчасти соавторами. Во всяком случае, именно главный редактор журнала «Юность» А. Деметьев порекомендовал мне в повести «Сто дней до приказа» отказаться от громоздкой предыстории и сделать сюжет более динамичным, что я и сделал.

Наконец, активно работал влиятельный цех критиков, внимательно следивший за литературным процессом, читавший новинки, оценивая их по гамбургскому счету, как выразился В. Шкловский. Учитывая все идеологические табу и ограничения, это сообщество было, тем не менее, в своих оценках, как правило, объективно и доказательно. К слову сказать, писательский рейтинг складывался на основе читательского интереса и мнения рецензентов. Нынешние байки о поголовной сервильности советской критики – чистой воды вранье. В 1980-е я редактировал газету «Московский литератор». Уверяю вас, найти авторитетного автора, чтобы он написал положительную рецензию на неудавшуюся новинку «литературного генерала» было делом очень непростым. Репутация ценилась выше гонорара. Сейчас проблема другая – объективная литературная критика исчезла как вид, превратившись в ангажированную челядь при литературной тусовке, разжиревших издателей и премиальных фондах. Отдельных критиков-правдоруков, напоминающих рейнджеров из американских боевиков, можно еще изредка встретить в Интернете.

Наконец, Союз писателей СССР был не только «министерством по делам литературы», что, как выяснилось после развала, не так уж и плохо. СП – и это главное – являлся достаточно строгим экспертным сообществом, старавшимся не допускать в свои ряды графоманов. Напомню, вступающий в СП проходил три, а то и четыре, инстанции, прежде чем получал заветный «краснокожий» членский билет. Я не идеализирую те времена и могу вам назвать не одного талантливого автора, которого непростительно долго держали в «предбаннике». Но в целом с задачей сохранения и пополнения корпуса литературных профессионалов Союз писателей справлялся.

Что же случилось потом? А вот что... В конце 1980-х, когда слово «перестройка» все чаще в разговорах заменяли зиновьевским неологизмом «катастрошка», стало ясно: большинство писательского сообщества против реформирования страны с помощью самопогрома и сноса советской цивилизации «до основания, а затем...» Напомню, писатели в ту пору пользовались высоким авторитетом в народе и серьезно влияли на общественное мнение. Сошлюсь хотя бы на знаменитое бондаревское сравнение оглохшего от гласности Советского Союза с самолетом, который взлетел, не зная, где сядет.

Именно по этой причине в начале 1990-х, взяв власть, «демократы» начали системно удалять консервативное писательское большинство из информационного пространства, а вскоре их судьбу разделили и честные литераторы-либералы, ибо они вставляли в «живое кольцо» вокруг Белого дома совсем не ради загогулин беспробудного Ельцина. Случившееся с Отечеством потрясло не одних патриотов. В «лихие девяностые» от отчаянья покончила с собой не только «красно-коричневая» Юлия Друнина, но и «либеральный» Вячеслав Кондратьев. Тем не менее, раскол литературного сообщества и разделение Союза писателей произошли по политическим мотивам. Возникли обласканная властью либеральная тусовка и патриотическое литературное гетто. Именно в ту пору сложилась «двухобщинность» отечественной словесности, о чем я подробно пишу в эссе «Желание быть русским. Заметки об этноэтике».

Тогдашние министерства культуры и печати жестко приняли сторону либеральной группы. Патриотическая община не только оказалась на положении изгоя, но и подверглась репрессиям. Чего стоит один штурм в октябре 1993-го особняка на Комсомольском проспекте, где располагался СП России. До начала нулевых консервативные писатели, особенно русского направления, жили и работали в полуосаде, особенно в Москве и Петербурге. В губерниях, традиционно консервативных, сочинителям жилось полегче. После прихода в Кремль Путина и его установки на консолидацию общества ситуация, казалось бы, должна была резко поменяться, но этого не произошло, в значительной мере из-за позиции, занятой «Роспечатью»: царь любит, да псать не жалуется. У нас в Отечестве иногда решение задач государственной важности поручают тем, кто к Российской Державе относится примерно так же, как украинский диверсант к Крымскому мосту...

Но это случилось позже. А в середине 1990-х, несмотря на все усилия, консервативно-патриотическое направление оставалось в литературе преобладающим, хотя оно исчезло из эфира, из премиальных списков, с полос центральных газет. Для изменения реального расклада сил в писательской среде была инспирирована ударная смена литературных поколений, «совков» решили заменить молодежью. Да, смена поколений – это естественный в искусстве процесс, но он обычно идет постепенно, складывается из ученичества, преемственности, творческого состязания за умы и сердца читателей.

Помните: «от побежденного учителя...»? Но кураторы «сферы культурных услуг» сделали ставку на быстрое и решительное вытеснение «совписов» из процесса. Про чистку информационного пространства я уже говорил.

Для начала запустили такую систему «грантокрации», когда преимущественно поддерживались лишь свои, либеральные, прозападные издательства, журналы, авторы. Хорошо помню, как министр печати Грызунов кричал мне, что ни копейки не даст ни «Нашему современнику», ни «Литературной России», едва в ту пору выживавшим органам патриотического большинства нашей словесности. Когда я спросил: «А на каком основании?» – он даже растерялся от такого нелепого вопроса. Не дам – и все тут! В свое время мы в ЛГ, готовя большой материал о грантовой политике Роспечати, запросили список книг, профинансированных агентством. Нарушая закон о печати, нам в этой информации отказали. Я обратился за помощью в Администрацию президента. Но даже эта могучая организация нам помочь не смогла. Видно, мы покусались на некую страшную антигосударственную тайну...

Но главным средством ударной смены поколений стала новая, неведомая прежде в нашем Отечестве, премиальная система. Суть прежней заключалась в том, что она при определении лауреатов ориентировалась на произведения, единодушно признанные профессиональным сообществом и востребованные читателями. Сначала успех – потом лавры. «Букер», «Национальный бестселлер», «Большая книга» и проч. построили свою работу на принципиально иных основаниях. Из потока новинок выхватывались сочинения, часто беспомощные, но отвечавшие трем основополагающим требованиям «новой российской литературы»: анти-

советизм (откровенный), русофобия (чаще – полускрытая) и антитрадиционализм (скорее – декларативный).

Литературный уровень значения почти не имел, поэтому лауреатами зачастую становились слабые дебютанты, выбранные своим жюри по приведенным выше принципам. Потом имена избранников оглашались, раскручивались, книги навязывались через СМИ, магазинную и библиотечную сеть. При этом активно и постоянно использовались административные ресурсы. Но в литературе, как и в сексе, насильно мил не будешь. Большинство книг этих навязанных лауреатов давно забыты. А слово «талант» вообще на долгие годы выпало из лексикона премиальных тусовок. Когда мне звонят корреспонденты и просят высказаться о новом лауреате, скажем, «Большой книги», я всегда отвечаю: «Выскажусь с удовольствием, если вы назовете мне фамилию лауреата прошлого года!» «Ой, забыл!» «Вспоминайте!» «Сейчас-сейчас...» Еще ни разу никто не вспомнил...

Если бы Союз писателей сохранился как влиятельное экспертное сообщество, он мог бы отчасти противостоять этой «графоманизации» отечественной словесности, но он распался на несколько враждующих частей, которые первом делом озаботились «для авторитету» ростом своих рядов, что привело к резкой депрофессионализации, ибо в ряды принимались фактически все желающие. Даже зазывались, так как одно время каждый союз добивался численного превосходства, видимо, чтобы объявить себя «главным» и припасть к казенному вымени. Строгие критерии отбора исчезли – и писательские объединения превратились в клубы людей, мараящих на досуге бумагу. Вдобавок, помня ключевую роль творческих союзов в политическом противостоянии 1990-х, власть лишила их особого статуса, юридически приравняв к обществам любителей морских свинок. Ныне совокупная численность писательских объединений России раз в десять больше, чем количество членов СП РСФСР, на 1991 год не превышавшее пяти тысяч.

Какой уж тут экспертный авторитет! Впрочем, по традиции к мнению либеральных «сплотов» – ПЕН-клуба или Союза писателей Москвы – власть еще как-то прислушивается, а к патристическому СП России по-прежнему относиться с иронической прохладцей.

Катастрофа постигла и цех критиков, традиционно самый уязвимый. С маргинализацией «толстых журналов» и литературной периодики, после сворачивания творческой работы Союза писателей их влияние и материальное обеспечение резко упали, как и численность, а ведь в 1991 году секция критиков и литературоведов только в столице насчитывала более 400 человек. Остатки некогда могучего, во многом определявшего творческий процесс сообщества прибились к премиальным фондам и больше всего на свете боялись не угодить работодателям. Для меня знаковым стал такой эпизод. Знаменитый автор, можно сказать, «совесть советской критики» вдруг разразился хвалебной статьей о стихах угрюмого графомана, прорвавшегося тогда к рулю литфонда. На мой вопрос: «Как же так?» – «совесть советской критики» с обезоруживающей улыбкой ответила: «Понимаете, у меня кончается срок аренды дачи, надо продлевать...» – «А репутация?» – «Да бросьте! Кто нас теперь читает?»

Когда я пришел главным редактором в ЛГ, то был потрясен ангажированностью и трусоватостью работавших там критиков. Из того же Павла Басинского объективную оценку чьей-то книги в рецензии нужно было буквально вытаскивать клещами, он все время боялся с кем-то поссориться. В результате Басинский ушел в «Российскую газету», где успешно пишет в жанре одического рецензирования. Аналитические разборы произведений и сравнительные обзоры, выявлявшие тенденцию и лидеров, ориентировавшие читателей на достойную литературу, канули в Лету, а статьи и рецензии превратились в рекламно-установочные тексты или же – глухаринное славословие в адрес родной тусовки. Вот в качестве образчика абзац Андрея Рудалева, пропагандиста «нового реализма»: «У нас – всё: и финансовая поддержка, и СМИ, и благосклонность старших товарищей. Мы общались в Кремле с Сурковым, и с Путиным в Ново-Огареве пили чай. Мы затуманили всем мозг и отформатировали литературу, сделав из

неё „новый реализм“. Мы для кого-то – агрессивные бездари-сорняки, расчищающие локтями себе место под солнцем. Но уже совсем скоро никто и не вспомнит, что может быть что-то иное. Мы утвердили новый формат, а всё, что в него не вписывается, уходит в резервацию внесистемной, внеформатной литоппозиции... Мы – победители, все кто не с нами – аутсайдеры с выжженным тавром неудачника. Мы яркие, прекрасны, молоды и деятельны. Мы верим только в свою силу, свою волю, в бушующую наглость... мы будем осваивать жизнь полной и широкой грудью! Кто нам запретит?! Ведь всё в наших руках! Мы делаем будущее, мы формулируем идеал. Нам двадцать-тридцать, мы от Камчатки до Калининграда. Мы не одеваем кепки от солнца и не закрываемся в футляр кондовых стереотипов...»

Вообще-то, «кепки надевают», а грудью жизнь не осваивают. Но самое смешное, что это сказано всерьез, прежде всего про «бушующую наглость». Характерна также уверенность в том, что успех в литературе определяют чайные возлияния с начальством, а не талант, творческое состязание и мастерство, оцененное читателями. Кстати, этот абзац очень похож на глуповато-воинственную риторику «неистовых ревнителее», подвизавшихся вокруг журнала «На литературном посту». Кто их сейчас помнит? Думаю, ватагу Рудалева и ее атамана, взявшего себе говорящий псевдоним, ждет такая же участь...

Наконец, серьезно повлияло на снижение уровня литературы уничтожение в издательствах, ставших коммерческими, службы редакторов, а то и корректоров. Приписка в выходных данных, что текст публикуется «в авторской редакции», означает, что книга выходит со всеми ошибкам, описками и просто глупостями, допущенными автором. Вы можете себе представить на программке «Большого театра» такое примечание: «Артисты поют и танцуют как умеют». Но ведь «авторская редакция» – это, по сути, то же самое. После всех перечисленных новшеств следует удивляться не обрушению уровня литературы, а тому, что есть еще авторы и издатели, не поддавшиеся соблазнам и работающие по гамбургскому счету. Но вокруг их книг создана плотная завеса молчания. Почему? Потому что подлинные таланты строем не ходят. А назначенные классики ходят...

Для полноты печальной картины следует коснуться еще одной больной проблемы. Без преувеличения лихой бедой отечественной словесности стало то обстоятельство, что издательское дело, толстые журналы, грантовая поддержка авторов, книжные ярмарки и многое другое, касающееся писателей, оказалось под контролем «Роспечати», как в формалине сохранившей все разрушительные пороки ельцинского министерства печати. Ситуация еще более усугубилась, когда это агентство было искусственно изъято из ведения Министерства культуры и передано в Минсвязи, которое теперь называется Минцифры. Заметьте, русское Слово оказалось в ведение цифири. Не странно ли?

Когда я возглавлял ЛГ, мы много писали о «художествах» Роспечати, так что отсылаю любопытного читателя к подшивкам «Литературки». На основе наших публикаций возбуждались уголовные дела против некоторых руководителей этого агентства. Но в нашем богоспаемом Отечестве, как выразился Есенин, «еще закон не отвердел». Отвертелись. Однако, на мой взгляд, главные грехи пресловутого агентства даже не те, что связаны с вольным расходованием казенных средства. Нет. Речь о других пороках, недопустимых в государственном учреждении. Это, во-первых, разрушение патриотического сознания, а во-вторых, бойкотирование идеи консолидации писателей, даже, напротив, всяческая поддержка двухобщинности литературы с явным благоволением к либеральной группе, что видно по всему: по грантовой политике, по тому, переводы каких книг продвигаются за казенный счет за рубеж, по тому, кого делегируют, чтобы представлять лицо русской литературы...

На одной из зарубежных книжных ярмарок, где Россия была главным гостем, наш павильон украсили березками, а на белых стволах были начертаны имена лучших писателей Отечества: Гроссман, Солженицын, Бродский, Улицкая, Аксенов, Горинштейн, Сорокин, Пригов и т. д.

...Напрасно посетители искали на березках Шолохова, Белова, Рубцова, Распутина, Астафьева, Леонова... Мелочь? Да как сказать. Был скандал. Замяли.

Дальше – больше. На открытии и закрытии Года литературы, организованного все той же Роспечатью, в МХТ имени Чехова не назвали ни одного национального автора, ни одного имени – ни классика, ни современника. Такую акцию в многонациональном государстве следует рассматривать как откровенно подрывную. Как же иначе? ЛГ опубликовало возмущенное письмо пятнадцати народных писателей, представлявших свои автономные республики. И что? Снова замяли.

На петербургском книжном салоне второй человек в Роспечати из президиума, где кстати не было ни одного писателя, директивно объяснял нам, сидевшим в зале литераторам, что лучшим стилистом в современной отечественной словесности, новым Набоковым, является независимо от его политических взглядов обитающий в Швейцарии прозаик Михаил Шишкин. Дело не в том, что буквально через неделю-другую Шишкин разразился такими гнусностями в адрес России и президента Путина, что все просто оторопели... Дело в другом: даже курировавшие советскую литературу работники ЦК КПСС (люди, кстати, весьма компетентные) никогда не позволяли себе объяснять писателям, кто из них лучший стилист. Это как раз являлось прерогативой экспертного литературного сообщества. Но Роспечать именно таким директивным навязыванием и занимается.

И последнее. Выступая на Литературном собрании, я обратился к президенту Путину с двумя просьбами. Первая – вернуть в лоно Министерства культуры, как говорится по принадлежности, если не всю Роспечать, то хотя бы издательское дело, толстые журналы, книжные ярмарки и грантовую поддержку литераторов. Зал долго аплодировал. Президент удивился, что писатели числятся по ведомству Минсвязи, и обещал разобраться. Во-вторых, я попросил руководителя страны помочь нам в воссоздании профессионального писательского сообщества. Зал и тут меня поддержал. Президенту эта инициатива показалась перспективной, и он сказал: «Вот и займитесь этим!»

Обещанного пять лет ждут. Дождались. Вроде бы, процесс воссоздания такой организации запущен. Но когда я узнал, что в оргкомитете инициативу опять перехватила Роспечать, мне стало ясно: ничего путного из этой затеи не выйдет. Зачем городить огород? О том, что Шишкин – лучший стилист, мы уже знаем. Обойдемся без директив от «малого меньшинства»!

Газета «Культура», октябрь, 2020

Беззаботный пессимизм

В год 30-летия развала СССР невольно задумываешься о прошлом, задавая себе вопрос: «А могло ли быть иначе?» По-моему, крах Советского проекта был предрешен тогдашним состоянием умов, охваченных нарастающим неверием в те смыслы и практики, а проще говоря, в слова и дела, которыми жил СССР. Виновата ли в этом охлаждении к «красному проекту» Советская власть, точнее, верхушка КПСС? По-моему мнению, безусловно виновата. Она, объявив себя «нашим рулевым», постоянно опаздывала с реформами экономики, остававшейся во многом мобилизационной, не преуспела в насыщении прилавков, особенно провинциальных, «ширпотребом», не обеспечила обновления идеологии, сохранявшей детское простодушие баррикад, а народ-то к тому времени вырос... Власть до последнего держалась упертого атеизма, хотя примирение с ведущими конфессиями давно назрело, к тому же, многие страны соцлагеря давали образцы мирного сосуществования религии и коммунистической идеологии. А меня еще в 1979 году гоняли на «комсомольскую антипасху»...

В общем, претензии можно предъявлять до посинения. Но и сказать, что страна не развивалась тоже ведь нельзя. Развивалась буквально на наших глазах, причем, сохраняя при этом заявленный ранее принципы равенства и социальные гарантии. Впрочем, тогда многие этого не ценили, как не ценят иные мужья верных, хлопотливых, но чересчур и властных жен...

Мне в те годы приходилось много ездить по стране. Как относились простые люди от Бреста до Курил к Советской власти? Я бы это отношение назвал хмурой привязанностью. Речь прежде всего о старшем поколении, помнившем времена, по-настоящему трудные, а то и невыносимые. Более того, в народе жило эдакое чувство ворчливого оптимизма. Коммунизма уже, конечно, не ждали, но, зайдя, в магазин, где на выбор красовались советские холодильники разных марок, в грядущий развитой социализма поверить было возможно.

Другое дело – интеллигенция, особенно столичная, и «номенклатура», а лучше воспользоваться забытым ныне словечком «совпартактив». В этих стратах укоренилось твердое убеждение, что им недодали, что люди умственного труда достойны большего. А если граждане выезжали за рубеж, пусть даже в соцстраны, то, вернувшись, наш рынок товаров и услуг они воспринимали как издевательство, хотя никто не голодал и разутым не ходил. Доминантой интеллигентного мировоззрения стал иронический скептицизм в отношении «этой страны». Тогдашняя сверхпопулярность ухмыльчивого Жванецкого, которого ныне трудно читать, вовсе не случайна. Но при этом у большинства, за исключением тех, кто наладился в эмиграцию и культивировал в себе неприязнь к «красному Египту», сохранялась уверенность в том, что в СССР при правильной постановке вопросов и верном их решении может все измениться к лучшему.

Собственно, спорами о том, что и как надо менять, была заполнена вся перестроечная пресса. В редакции «Литературной газеты», помню, стояли рядами мешки писем с читательскими проектами обновления страны, приходившими в рубрику «Если бы директором был я...». (Сначала хотели назвать – «Если бы генсеком был я...», но старшие товарищи отсоветовали) Когда я, будучи главредом ЛГ, пытался в нулевые годы возродить эту рубрику, поименовав «Если бы президентом был я...», никто, кроме двух-трех шизофреников, не откликнулся. Даже лютый антисоветчик Солженицын назвал свой проект «Как нам обустроить Россию?» Заметьте, не возродить, не отстроить, не восстановить... Руины не обустроят.

Но именно этот остаточный оптимизм, замешанный на идее неизбежного прогресса, и сыграл с СССР злую шутку. Наши гормональные либералы часто спрашивают, мол, а что же никто в 1991-м не вышел защищать вашу Советскую власть и КПСС? Ответ до обидного прост: никто не верил, исходя из своего жизненного опыта, что перемены могут быть к худшему. А ведь Виктор Цой предупреждал нас, завывая: «Мы хотим перемен...» – с безысходностью

кладбищенского ворона. Но никому в голову не могло прийти, что молодой речистый генсек Горбачев, выдвинутый вместо кремлевских старцев, помиравших с роковой последовательностью персонажей Агаты Кристи, не только не вытащит страну из застоя, а попросту ее угробит. Никто не верил, что вожаемая многоукладность экономики приведет к алчному «олигархату», что сокращение военных расходов кончится тем, что оголодавшие солдатики будут побираться возле магазинов, а крейсера станут резать на иголки... Предупредить о возможном обвальном регрессе должны были интеллектуалы, но они страдали тем же прекраснодушием, что и остальные... Были провидцы, к примеру, Александр Зиновьев или Вадим Кожинов. Но кто их слушал!

Сегодня мы имеем в Отечестве ту же усталость населения от персонифицированного курса, те же постоянные опоздания власти с принятием решений, те же невыполненные обещания, тот же ненадежный, иронический «совпартактив», ту же жутко устаревшую идеологию, которая называется «отсутствие идеологии»... Но есть два принципиальных отличия, и они могут дорого обойтись исторической России. Первое. Взамен ворчливого оптимизма людьми сегодня овладел беззаботный пессимизм. И второе. Наша «перелетная элита» в своем большинстве антипатриотична и антинациональна, она не верит в будущее страны проживания и готова в любой момент сдать с таким трудом возвращенный Путиным суверенитет, как постылый партбилет, с которым хлопот больше, чем навара...

Журнал «Историк», 2021, № 1

2. Писатель у диктофона

Роскошь шуршащих полос

– Юрий Михайлович, вы пишете почти во всех литературных жанрах: проза, поэзия, драматургия, эссеистика. Есть какой-то общий лейтмотив, по которому узнается авторский почерк?

– Обретение индивидуального, узнаваемого стиля – самое, пожалуй, сложное в литературной профессии. Изобрести, придумать стиль нельзя, он изначально заложен (или не заложен) в тебя как дар. Если не заложен, лучше искусством вообще не заниматься. Есть множество других интересных профессий. Но даже если дар и есть, реализовать его, сделать видимым, воплотить в произведение искусства удастся немногим. Должно совпасть множество условий и обстоятельств. Помните, полено, из которого был вырезан Буратино? Оно ведь изначально обладало чувствительностью и пронзительным голосом, однако без папы Карло с рубанком и резцом никакого Буратино не было бы в помине. Примерно так и со стилем...

– Когда вы начали писать стихи, сразу поняли, что литература – это ваш путь?

– Нет, не сразу. Безапелляционная уверенность в собственной избранности – верный признак графомании. Таланту свойственны сомнения в себе, которые преодолеваются творческим упорством и очевидными результатами. Я сначала готовился в архитекторы, потом в литературоведы, не будучи уверенным в своем стихотворном призвании, хотя стал довольно скоро одним из самых известных поэтов своего поколения – рожденных в пятидесятые. Ощутил я себя профессионалом только тогда, когда перешел на прозу.

– Вам приходилось носить рукописи в издательства, получать отказы, просить рекомендательные письма... Или вас сразу признали как писателя?

– Чтобы тебя сразу «признали писателем», надо перепрыгнуть этап ученичества, но это пока никому не удавалось. Подающим надежды, да, меня признали почти сразу, но, разумеется, как у всякого начинающего автора, у меня были и унижительные редакционные отказы, и разгромные внутренние рецензии, и такие жестокие обсуждения моих ранних стихов на семинарах, что хотелось покрошить зоилов из АКМа, последнюю пулю оставив себе. Обращался я за помощью, как это было тогда принято, к старшим товарищам – Владимиру Соколову, Константину Ваншенкину, Вадиму Сикорскому, Римме Казаковой, Ларисе Васильевой, Вадиму Кузнецову, Николаю Старшинову... Они, кстати, охотно помогали и не только мне, давали мудрые советы, писали предисловия, рекомендации для вступления в Союз писателей, хлопотали в издательствах. Все эти страдания начинающего автора подробно описаны в моем эссе «Как я был поэтом», которое вошло в сборник «Селфи с музой».

– А когда пришел первый – с вашей точки зрения – успех?

– У меня было два первых успеха. Сначала я получил известность как поэт. Это произошло после выхода моей первой тоненькой – в один авторский лист – книжечки стихов в молодогвардейской серии «Молодые голоса», где дебютировали многие мои сверстники. Теперь имена большинства из них прочтешь разве что на могильных плитах. Назывался сборник «Время прибытия», а тираж – только не падайте – 30 тысяч! Сейчас Солженицына выпускают в лучшем случае в количестве пяти тысяч экземпляров. Второй, и главный успех, обрушился на меня в 1985 году, еще, кстати, при Черненко, когда журнал «Юность», возглавляемый Андреем Дементьевым и выходивший тиражом 3,5 миллиона экземпляров, опубликовал мою

повесть «ЧП районного масштаба», которую до этого четыре года не пропускала цензура. И я проснулся знаменитым. Обсуждения этой вещи прошли по всей стране – от Бреста до Сахалина. Меня останавливали на улице и вступали в творческую полемику... Вскоре появился лихой одноименный фильм Сергея Снежкина, вызвавший еще больший ажиотаж. Интересующихся отсылаю к моему мемуарному эссе «Как я был колебателем основ», оно включено в упомянутый сборник «Селфи с музой».

– Известный писатель не всегда популярный писатель. Вы именно популярный писатель и ваши произведения стали частью массовой культуры. Вы готовы и дальше идти навстречу нашему времени – писать сценарии для сериалов, участвовать в ток-шоу, писать на актуальные темы и так далее? И на какое требование современности вы, наоборот, никогда не пойдете?

– Известный и популярный писатель – это примерно одно и то же. А вот хороший и популярный писатель совсем не одно и то же. Я пережил столько известных, увешанных премиями прозаиков и поэтов, которые попросту не умели писать прозу и стихи, что дух захватывает. Известность, полученная в результате целенаправленной раскрутки, недолговечна. Волчок, если не сообщать ему постоянно толкательное движение, переходящее во вращательное, остановится и упадет на бок. А вот, если известность происходит из спонтанного интереса читателей к хорошо написанной книге, это другое дело, это всерьез и надолго. Сценарий сериала я писал один раз в жизни, в трудные 1990-е, когда надо было кормить семью. Давно этим гиблым делом не занимаюсь. Только авторизую сценарии экранизаций моих вещей. Вы меня, видимо, перепутали с Геласимовым или Слаповским. На телешоу я почти перестал ходить. Делаю исключения разве что для Владимира Соловьева. Три часа просидеть в студии, наблюдая самообожание ведущих, а потом в течение двух минут проорать, что ты думаешь, это не для меня. Никогда не соглашусь с требованием времени признать деньги мерилем жизненного успеха, хотя и зарабатываю неплохо.

– Как вы думаете, почему сегодня таким спросом пользуется все, связанное с советским прошлым, даже у молодежи?

– Во-первых, потому что людям вообще свойственно интересоваться прошлым своей страны, в том числе и недавней историей. Во-вторых, «новая» Россия дает столько поводов для огорчения, уныния и раздражения, что у компатриотов возникает невольное желание сравнить ее с «великим, могучим и нерушимым» СССР. В-третьих, либеральный «агитпроп», который вот уже четверть века очерняет и окарикатуривает Советскую эпоху, вызвал обратный эффект – желание людей понять, что же это на самом деле было за время. Особенно такое стремление заметно у молодежи, она всегда отличается обостренным чувством справедливости и протестным восприятием мифологии предшествующих поколений.

– Вы начинаете свою новую книгу «Веселая жизнь, или Секс в СССР» со слов: «Это вызывает особую ностальгию...». Что было в СССР такого, чего вам особенно не хватает?

– Я начинаю новый роман со слов: «Становлюсь ретроманом и все больше люблю прошлое. Видно, дело идет к старости, но сердце еще екает при виде весенних девушек с голыми ногами...» Разницу улавливаете? Там, в СССР, осталась моя молодость. Там же осталась попытка, во многом удавшаяся, выстроить относительно справедливое и социально однородное общество равных возможностей. Я вообще не понимаю жизнеустройства, когда целая отрасль производства может принадлежать одному человеку, никогда в ней не работавшему, да еще живущему с семьей на Кипре. Как это может быть, объясните? При социализме не было недостатков? Сколько угодно. Я-то о них, в отличие от многих, писал в своих тогдашних книгах. Но я, мальчик из рабочей семьи, мог выбрать ту профессию, которая мне нрави-

лась. Передо мной никогда не стоял вопрос, что я и моя семья будут есть завтра. Социальные лифты работали изрядно. Было мало свободы? Кому как. Если человек хочет быть офицером или врачом, ему всю жизнь придется вставать чуть свет. Это тоже несвобода, он сам ее себе выбрал... Я знаю критиков, которые при советской власти писали честные смелые статьи, а сегодня врут и лукавят напрапую из боязни, что «Большая книга» или «Букер» лишат их денежного вспомоществования. Да, в СССР были табу, прежде всего идеологические, такое сложилось тогда общество, нарушив их, можно было сильно осложнить себе жизнь. Спрашивают: «А если человек не верил в идеалы социализма?» Хороший вопрос. Михаил Горбачев в поздних мемуарах признался, что смолodu не верил в социализм, а дослужился аж до Генерального секретаря ЦК КПСС. Вот как оно бывало в СССР. Да и сейчас есть табу, в основном материально-монетаристского свойства. Вы можете быть яростным сторонником либертианства, то есть, выступать против налогообложения, однако попробуйте не заплатить налоги – вас не выпустят для начала из страны, а потом еще и посадят. Тоже ведь несвобода, хоть и при демократии. Вы же ее принимаете как данность! Примерно то же самое было и в СССР...

– *Почему книга «Веселая жизнь, или Секс в СССР» будет интересна старшему поколению и чем заинтересует молодежь?*

– Правдой. Это честная и очень веселая книга, потому что мы жили весело и почти безоглядно. Не верьте, что мы ходили, озираясь и страшаясь слежки КГБ. Ерунда. Внимание со стороны КГБ надо было еще заслужить, удавалось это немногим. Сахарову, например. Читая книгу, мои ровесники окунутся в мир своей молодости, а те, кто не жил при Советской власти, смогут почувствовать то время и решить для себя: что же это было – застой, ужас или, в самом деле, веселое время с отягощениями.

– *Вы больше 15 лет были главным редактором «Литературной газеты», причем возглавляли ее в 2000-е годы, в разгар споров о том, что бумажная пресса скоро умрет. Скажите честно, сегодня людям нужны газеты?*

– Вопрос некорректный. Это как спросить: скажите, человеку нужны шорты? Тут же возникают встречные, уточняющие вопросы. Где? В Сочи или в Норильске? Когда? В июне или в январе? Да, форма организации и подачи ежедневной информации на бумажных полосах, несколько веков носившая название «газета», возможно, и исчезнет. Но обмен информацией никуда не денется. Цифра всегда будет обслуживать слово. Напомню, когда я пришел в ЛГ в 2001 году, там не было даже своего сайта. Когда в 2017-м я, устав от нервной должности, покидал пост, количество еженедельных посещений нашего сайта значительно превысило бумажный тираж. Возможно, вскоре бумажные версии известных газет станут отрадой чудачков и гурманов, а шурующую «Литературку» с профилями Пушкина, Горького и Полякова (шутка, конечно!) будут подавать в дорогих ресторанах вместе с коньяком, кофе и сигарой. Конечно, можно глазами пробежать свежий номер и на планшете. А шорох страниц, а запах свежей типографской краски, а роскошь мнующихся полос?

– *Сегодня формат СМИ меняется. Известные деятели культуры дают откровенные интервью на YouTube, каналах «ВДудь» и «Ещепознер». Вы смотрите выпуски этих видеоблогов? И сами бы согласились стать гостем Юрия Дудя или Николая Солодовникова?*

– Вообще-то, к блогерам, как и к реперам, я отношусь скептически. Есть, конечно, достойные люди и среди них, но чаще сталкиваешься с тем, что их язык работает, как пропеллер, и почти не связан с мозгом. Вы пытались беседовать с вентилятором? Предпочитаю читать и слушать людей, умных и образованных, с такими и поспорить – одно удовольствие. Пойду ли я к Дудю? Может, и пойду, если тема мне покажется интересной. А вот Познер, после того, как я пару раз посадил его в эфире в калошу, приглашать меня в студию перестал...

– *Кому бы сейчас вы предложили свою пьесу для постановки? И кому бы доверили снять фильм по своему сценарию или роману?*

– У нас немало замечательных режиссеров. Так, с недавних пор я активно сотрудничаю с Петром Орловым. Он прекрасно поставил мои пьесы «Как боги» и «Золото партии» в Рыбинском драматическом театре. Один из спектаклей они привезут на мой авторский фестиваль «Смотрины», который пройдет в ноябре на сцене театра «Вишневый сад». Приглашаю! Как не вспомнить и Павла Карташова, отлично поставившего полную версию «Чемоданчика» в Самаре. Мечтаю, чтобы одну из моих комедий поставил в Малом театре великолепный мастер сцены Виталий Иванов. Юрий Соломин, вроде бы, не против. Очень хочу, чтобы мой давний товарищ Станислав Митин, снявший прекрасный фильм по моей повести «Апофегей» с Машей Мироновой и Даниилом Страховым, сделал и экранизацию «Гипсового трубача». Уже работаем над этим проектом.

– *Ваша семья живет в Переделкине, там по-прежнему чувствуется особая поэтическая атмосфера? И есть ли в Москве места, где вы также ощущаете особый дух русской литературы, поэзии?*

– В Переделкине настолько творческая атмосфера, что ощущаешь тонкие вибрации! Там витают тени великих писателей. Встречаешь на лесной тропке знакомого поэта, и он бросается навстречу. Ну, думаешь, закончил поэму – сейчас прочтет. Подбегает: «Юра, тебе сколько в дирекции за воду насчитали? Они же нас разорят!» Я очень люблю бродить по Москве. Кстати, одна из моих любимых передач на ТВ – «Пешком по Москве...» Часами могу ходить по местам моего детства, отрочества, юности: Переведеновка, Спартаковская площадь, Гавриков переулок, Маросейка, Чистые пруды, Старая Басманная, Лефортово... Но в моем новом романе «Веселая жизнь, или Секс в СССР» описана другая Москва, новая – метро «Кошмарское» (Каширское), Орехово-Кокосово (Борисово), Шипиловский проезд, знаменитый овраг, Домодедовская улица... Впрочем, какая же она новая, эта Москва, если я там жил сорок лет назад? Как заметил Сен-Жон Перс, короче жизни лишь преждевременное семяизвержение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.